

ВОСПОМИНАНИЕ О ШКОЛЕ

И. Карпова

(студентка Ярославского педагогического университета)

В наши дни, когда общество все больше и больше претендует на звание демократического, а учителя стремятся больше к сотрудничеству, нежели к авторитарности, газеты и журналы рассказывают нам об образованных педагогах, но я хочу поговорить о тех случаях, которые обычно тщательно скрываются от чужих глаз.

Нет, наверное, такого человека на земле, которому не запомнился бы первый учитель — кому-то красотой или лаской, кому-то радостью первого прочитанного слова, а мне вспоминается громогласное: «Ну и дураки!».

Понятие «воспитание» заключалось для нашей учительницы в целенаправленном (и зачастую физически довольно ощутимом для нас) воздействии на первоклашек (личностями мы для нее не являлись). Она пыталась нам привить понятие о добре, уважении и любви, учила, как должны поступать хорошие мальчики и девочки, убеждала, что мы должны выслушать другого и помочь ему, не должны причинять боль и огорчение людям. А я вспоминаю, как нас не пускали на уроках в туалет и некоторые целый день ходили в мокрых штанишках, как завязывали полотенцем рот за то, что ты попросил у товарища ластик или что-то другое, ибо это воспринималась как «наглая болтовня», как мы сидели после уроков во второй смене по 2-3 часа за то, что бегали на перемене по рекреации.

Основной формой нашего общения был громоподобный монолог, состоящий из набора догм, категоричных черно-белых суждений и «неоспоримых» истин. Мы никогда не высказывали свою точку зрения, как это делали в соседнем классе у Алевтины Григорьевны Мистрюковой {слава Всевышнему, что на земле есть такие учителя!}. Хотя, постойте, была один раз попытка, хотя она больше напоминала игру «Угадай мысли учителя». Тому, кто высказывал «неудобные» предположения, тут же выдавалась довольно нелестная характеристика в устной форме.

У нас никогда не было взаимопроникновения учебной и внеучебной деятельности. Я училась еще и в музыкальной школе и часто отпрашивалась с «продленки» на занятия. Не буду лгать, меня отпускали, но сначала я должна была предъявить (а не показать) выполненное без ошибок домашнее задание. Но если я ошибалась... «До чего же ты мне надоела со своей музыкальной школой! Убирайся отсюда вон и учись только там. Для нее, видите ли, фигли-мигли важнее науки. Ну-ка, живо исправляй!» Я, давась слезами от страха и унижения, пыталась безуспешно что-то переделать, но все валилось из рук и наконец, с опозданием на 15-20 минут, уходила на занятия, неся в дневнике двойки за домашнюю работу по каждому предмету. «Благодаря» этому, я забросила музыкальную школу, перестала верить в собственные силы и в течение многих лет (да иногда и сейчас) чувствовала себя той, несчастной, вечно в чем-то виноватой первоклассницей.

Наверно, после всего сказанного, будет излишним утверждение о полнейшем отсутствии какого бы то ни было индивидуального подхода в обучении. Моя подруга бесподобно читала стихи, но не умела решать задачи. Часто вспоминаю, как наша учительница буквально натыкала ее носом в ошибку и, объясняя классу (а не ей) ошибку, отмывала кровь с разбитой Наташкиной губы...

В параллельном классе вместе с Алевтиной Григорьевной строили планы на будущее, а мы... В сочинении «Кем я хочу стать?» я написала, что буду учительницей. «А вот Карпова хочет учить детей. Чему она их только сможет научить? Никто путный из нее не выйдет», — вот что я узнала о себе на следующий день.

...Прошло 13 лет, эта женщина давно не работает в школе, и некоторое время мне казалось что вместе с ней из школ ушли такие явления, как грубость, формализм, давление на личность, равнодушие и деспотизм столь характерные для стиля работы некоторых учителей. Но жизнь повернулась так, что я, получив диплом преподавателя, стала ближе присматриваться к школе. Тесное знакомство не принесло облегчения, а напомнило мой далекий первый класс. Я не говорю о столь распространенном и ставшем уже незаметным обращении по фамилии, хотя и одно это в достаточной степени принижает личность. Случаи, которые я приведу в пример, поразили меня своим бездушием и нелепостью.

Классный руководитель, являясь преподавателем русского языка и литературы, при всем классе и другом учителе позволила себе назвать 14-летнюю девочку «зверенышем» за то, что она «как-то не так» на нее посмотрела.

«Учитель кидается мелом и таскает нас за волосы из класса», — услышала я в другой школе, а во время разговора выяснилось, что это только малая часть запаса «методических мер» восстановления дисциплины в 9-м классе. Можно перечислять еще и еще:

— удары указкой по голове;

— буквальные полеты учеников через весь класс вперед головой;

— классный журнал, превращенный в дисциплинарную книгу, куда ставятся отметки за поведение (естественно, двойки) вместо отметок по предмету;

— разговоры тет-а-тет учителя с учеником, после которых последний оказывается «униженным и оскорбленным».

Страшно? Да. Но еще страшнее то, что этот список могут продолжить и другие «выдающиеся» учителя. Все это реальность, наша современная действительность. Что же толкает учителей на это: нежелание отойти от старых догм, неумение найти подход к детям или полное равнодушие к судьбам подрастающего поколения?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос, но твердо уверена в том, что если такие случаи будут встречаться и дальше, то наше общество не сможет стать демократическим, а взрослым останется лишь с горечью посетовать на безразличие, жестокость, пассивность и пессимизм будущей опоры России. Задумайтесь об этом, учителя!